

Недобросовестное использование объектов промышленной собственности в сети Интернет. Часть 1

Козловская В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Исследуется проблема недобросовестности при использовании объектов промышленной собственности в сети Интернет. Выявлены доктринальные подходы к определению понятия «добросовестность».

Цель статьи – выделить критерии недобросовестного использования объектов промышленной собственности в сети Интернет, определить гражданско-правовые последствия такого использования.

Материалы и методы. Материалами для исследования выступили нормы гражданского права, регулирующие общественные отношения в сфере использования объектов промышленной собственности, научные публикации по теме исследования, а также материалы обобщения судебной практики. Методологическая основа статьи – анализ и синтез, абстрагирование, системно-структурный подход, метод толкования правовых норм, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. В научных публикациях добросовестность участников гражданских правоотношений принято рассматривать с объективной и субъективной точек зрения. На деле такой подход оказывается совершенно недостаточным для того, чтобы описать всю многогранность и многозначность рассматриваемого явления. Кроме того, ввиду своей смысловой парности категории «добросовестность» и «недобросовестность» обречены на постоянное сопоставление их между собой, поиск различающих их критериев и прочих разграничений, помогающих уяснить истинное содержание этих понятий.

Заключение. Применительно к ситуациям использования объектов промышленной собственности в сети Интернет проблема недобросовестного поведения рассмотрена в ракурсе несоответствия недобросовестности и незаконности использования таких объектов. Выявлено различие между недобросовестным и незаконным использованием объектов промышленной собственности в Интернете, состоящее в том, что недобросовестное использование объектов промышленной собственности не нарушает закон, но может быть неэтичным и ненадлежащим.

Ключевые слова: добросовестность, принцип права, недобросовестное использование объектов промышленной собственности, сеть Интернет, нарушение исключительных прав, незаконное использование, недобросовестная конкуренция, правонарушение, гражданско-правовые последствия.

Dishonest Use of Industrial Property Objects on the Internet. Part 1

Kozlovskaya V.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The problem of dishonesty in the use of industrial property on the Internet is investigated in the paper. Doctrinal approaches to defining the concept of 'good faith' have been identified.

The purpose of the study is to highlight the criteria for the unfair use of industrial property on the Internet and to determine the civil law consequences of such use.

Materials and methods. The materials for the paper were the norms of civil law regulating public relations in the field of the use of industrial property objects, scientific publications on the subject of the study, as well as materials summarizing judicial practice. The research methods were analysis and synthesis, abstraction, system-structural approach, method of interpretation of legal norms, formal legal, comparative legal.

Findings and their discussion. The good faith of participants in civil legal relations is usually considered from an objective and subjective point of view in scientific publications. In fact, such approach turns out to be completely insufficient in order to describe all the versatility and ambiguity of the phenomenon under consideration. The categories of "good faith" and "bad faith" are doomed to constantly being compared with each other. The search for criteria distinguishing them and other distinctions that help to understand the true content of these concepts, takes place.

Conclusion. The problem of unfair behavior is considered from the perspective of the discrepancy between dishonesty and illegality of using such objects in relation to situations of using industrial property objects on the Internet. The difference between unfair and illegal use of industrial property objects on the Internet is revealed. It means that unfair use of industrial property objects does not violate law but can be unethical and improper.

Key words: good faith, the principle of law, unfair use of industrial property, the Internet, violation of exclusive rights, illegal use, unfair competition, civil-legal consequences.

Одним из принципов гражданского законодательства Республики Беларусь является принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений. Согласно абз. 8 ч. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)

«добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное» [1]. В указанной норме-принципе речь идет о презумпции добросовестности и разумности лиц, участвующих

в гражданских правоотношениях, однако критерии добросовестности не называются. В научных публикациях исследованию категории «добросовестность» уделено значительное внимание, но нет ясности по вопросу о содержании этого понятия. Отсутствует четкое понимание того, что следует считать недобросовестностью участников гражданских правоотношений в каждой конкретной ситуации, и каковы последствия такого ненадлежащего поведения. Кроме того, в случае с использованием объектов промышленной собственности в сети Интернет (далее – Интернет, Сеть) указанные обстоятельства осложнены особенностями отношений, складывающихся по данному поводу в Сети.

Цель работы – выделить критерии недобросовестного использования объектов промышленной собственности в Интернете, определить гражданско-правовые последствия такого использования.

Материал и методы. Материалы исследования – нормы гражданского права, регулирующие общественные отношения в сфере использования объектов промышленной собственности, научные публикации по теме исследования, а также материалы обобщения судебной практики.

Результаты и их обсуждение. Понятие «добросовестность» рассматривается в доктрине гражданского права традиционно в двух аспектах: различают добросовестность в объективном и субъективном смыслах. Проведя аналогию с пониманием права в объективном и субъективном смыслах можно сказать, что «субъективная» добросовестность связана с субъектом права, является неким присущим ему признаком. В противоположность этому объективное понимание добросовестности сводится к следующему. Добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений возведены в категории не только принципа гражданского права, но и правовой презумпции и закреплены как стандарт, образец социально ожидаемого поведения в норме абз. 8 ч. 2 ст. 2 ГК [1]. Таким образом, объективная добросовестность имеет место в случае, когда поведение субъекта права соответствует этому стандарту.

Если вспомнить о том, что под презумпцией в праве понимается «предположение, которое признается достоверным, пока не будет доказано обратное» [2, с. 391], то всякий раз, когда возникают сомнения в добросовестности лица, мы обязаны считать данное лицо действующим добросовестно, пока не доказано обратное. Эта обязанность существует в силу объективной нормы-принципа о добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений [1]. Однако в силу того,

что обратное может быть доказано, то в каждом конкретном случае поведение субъектов правоотношения подлежит правовой оценке, в том числе и с точки зрения добросовестности. Это дает основание говорить о добросовестности как об оценочной категории. «Критерии добросовестности и разумности являются оценочными критериями, – отмечает Н.Л. Бондаренко, – предназначенными для оценки, главным образом, психологической стороны поведения участников гражданских правоотношений» [3, с. 89]. Это мнение поддерживается Ю.А. Амелечной, по утверждению которой «оценку добросовестности следует осуществлять применительно к каждому конкретному случаю с учетом фактических обстоятельств» [4, с. 118]. Приведенные умозаключения можно дополнить замечанием М.В. Демьяновой о том, что «оценка поведения на соответствие принципу добросовестности должна осуществляться...вне зависимости от мотивов добросовестного или недобросовестного поведения субъекта» [5, с. 9].

Для того чтобы можно было понять, действовало ли лицо добросовестно или нет, в ряде случаев законодательство предусматривает оговорки, указывающие на признаки недобросовестности лица. Приведем примеры таких норм. Так, в ст. 62 ГК «обозначено следующее: «Лицо, которому было передано имущество, считается недобросовестным, если оно знало или должно было знать о намерении юридического лица скрыть это имущество от кредиторов» (здесь и далее курсив наш. – В.К.) [1]. В соответствии с частью третьей п. 1 ст. 172 ГК «дееспособная сторона обязана, кроме того, возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны» [1].

Все же невозможно предусмотреть в законе все случаи проявления добросовестности либо недобросовестности участников правоотношений. Неизбежно возникновение новых ситуаций, в которых правоприменительным органам придется давать оценку действиям участников правоотношений, ориентируясь на имеющиеся представления о добросовестности и о том, что должно. Это тем более характерно для случаев возникновения отношений по поводу объектов промышленной собственности, используемых третьими лицами в Интернете. Недобросовестность поведения таких субъектов вероятно ввиду относительной легкости безнаказанного использования в Сети чужих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Таким образом, декларируемая на уровне закона в форме нормы-принципа и пра-

вовой презумпции добросовестность поведения субъектов права в каждой индивидуальном случае вынуждена подвергаться оценке, превращаясь в субъективное явление и непостоянную величину.

Проблема многозначности термина «добросовестность» неоднократно затрагивалась в научных публикациях [3–8]. К настоящему моменту обоснована необходимость различать добросовестность как принцип гражданского права, как правовую презумпцию (добросовестность в объективном значении) и добросовестное поведение субъектов гражданских правоотношений (субъективный аспект добросовестности) [6, с. 91; 7, с. 78–82]. Высказывается и более радикальное мнение, согласно которому принцип добросовестности связан с «субъективной» добросовестностью не больше, чем с любыми другими институтами гражданского права [7, с. 78].

К.В. Нам отмечает: «Эти две категории [добросовестность как принцип гражданского права и “субъективная” добросовестность], несмотря на их терминологическую идентичность, представляют собой различные самостоятельные правовые явления. И различие между ними состоит не только в том, что первое отнесено к принципам гражданского права и применимо ко всем гражданско-правовым отношениям, а второе является частным случаем юридической квалификации определенных фактических обстоятельств. У них различные цели и задачи, различные функции, не говоря уже о различии в механизмах правового регулирования» [7, с. 78]. На различие между понятиями добросовестности как правовой презумпции и добросовестности как принципа права обращает внимание в одной из своих работ Н.Л. Бондаренко [3, с. 91].

Приведенные мнения не лишены резона, тем не менее нам более близка позиция Ю.А. Амельчени, в рамках которой объективная и субъективная составляющие понятия «добросовестность» сосуществуют, дополняя друг друга. В частности, автор отмечает следующее: «Тест добросовестности и разумности в гражданских отношениях базируется на нормах-принципах Гражданского кодекса Республики Беларусь, презюмирующих добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений, поскольку не установлено иное, а также на оценке фактических обстоятельств в процессе правоприменения» [4, с. 118–119].

«Под добросовестностью в субъективном смысле, – пишет К.В. Нам, – понимается извинительное незнание лицом определенных фактов, имеющих юридическое значение» [7, с. 78]. По мнению М.В. Цветковой, «добросовестность – это извини-

тельное незнание факта, препятствующего возникновению права (например, в случае приобретательной давности)» [9, с. 49].

Субъективную составляющую в понятии добросовестности выделяют Е.В. Богданов, К.И. Скловский [10, с. 12; 10, с. 81]. По замечанию Е.В. Богданова, добросовестность представляет собой «субъективную сторону их [участников гражданских правоотношений] поведения, когда они не знали и не могли знать о правах третьих лиц на соответствующее имущество или иной своей неуправомоченности» [10, с. 12]. «Добросовестность как состояние воли лица, которое характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой им юридической цели, прежде всего приобретению частного права», – определяет К.И. Скловский [11, с. 81].

Несколько в ином ключе формулирует субъективное понимание добросовестности Т.В. Дерюгина. В частности она отмечает: «Добросовестность – это способность человека осуществлять нравственный самоконтроль с позиции своего поведения требованиям нравственности и права. Для добросовестного субъекта не требуется, чтобы он осознавал или предвидел любые неблагоприятные для других лиц последствия, принцип добросовестности, в первую очередь, должен быть направлен на осознание собственного положительного поведения» [12, с. 32]. Подобная точка зрения опровергается М.К. Сулейменовым, по мнению которого «добросовестность в субъективном смысле определяется не честным образом мыслей как таковым, а знанием или незнанием фактов» [13, с. 32].

На наш взгляд, при всей справедливости вышеприведенных высказываний для полноты отражения сущности понятия субъективной добросовестности следует отметить, что добросовестность предполагает: во-первых, незнание лицом о наличии важных юридических фактов, например, обстоятельств, препятствующих заключению сделки, законной реализации права или осуществлению обязанности, а во-вторых, деяние (действие или бездействие), соответствующее по своему характеру состоянию такой искренней неосведомленности. По нашему мнению, добросовестность в субъективном смысле – это целостное и добропорядочное поведение, при котором субъекты правоотношений используют правильные процессы и правила, которые предусматривают уважение к правам других лиц, а также к принятым моральным и этическим нормам.

В противоположность этому можно говорить о субъективном понимании недобросовестности участников гражданских правоотношений как:

о состоянии осведомленности указанных лиц об обстоятельствах, имеющих юридическое значение и препятствующих нормальному гражданскому обороту, и 2) одновременном осознанном совершении поступков вопреки этому знанию.

Описанный выше подход в определении парных юридических категорий добросовестности и недобросовестности нашел отражение в законодательстве Республики Беларусь. В частности, в нормах ГК, в которых в качестве критериев добросовестности или недобросовестности поведения субъектов права употребляются словосочетания «не знал и не должен был знать» или «знал или должен был знать», соответственно. Кроме того, в ряде случаев в законе обозначены и юридические последствия недобросовестного поведения лиц.

Например, согласно части второй п. 2 ст. 429 ГК «условие договора о том, что риск случайной гибели или случайного повреждения товара переходит на покупателя с момента сдачи товара первому перевозчику, по требованию покупателя может быть признано судом недействительным, если в момент заключения договора продавец знал или должен был знать [то есть констатируется недобросовестность продавца], что товар утрачен или поврежден, и не сообщил об этом покупателю» [1]. И пример обратной ситуации – статья 793 ГК гласит: «Поклажедатель обязан возместить хранителю убытки, причиненные свойствами сданной на хранение вещи, если хранитель, принимая вещь на хранение, не знал и не должен был знать об этих свойствах» [1].

Более развернутый перечень критериев недобросовестности приводится на уровне обобщения судебной практики по категориям дел, связанных с правом собственности на жилые помещения [14]. Согласно части второй п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 2 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения» «если судом будет установлено, что приобретатель знал или должен был знать о наличии препятствий к заключению сделки с жилым помещением, о претензиях на него других лиц, не участвующих в сделке, но действовал умышленно либо не проявил той степени заботливости, осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательств и условиям гражданского оборота, то эти обстоятельства могут свидетельствовать о недобросовестности приобретателя и повлечь истребование от него жилого помещения» [14]. В данном случае в качестве дополнительного признака недобросо-

вестности лица упомянуты действия, совершаемые им «умышленно» либо без проявления «той степени заботливости, осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательств и условиям гражданского оборота» [14].

Если такой подход правоприменителя перенести на сферу отношений, связанных с использованием объектов промышленной собственности в Интернете, можно сказать, что критериями (индикаторами) недобросовестного поведения являются следующие факты:

– лицо, использующее объект промышленной собственности в Сети, знало или должно было знать о том, что оно либо не вправе его использовать подобным образом, либо такое использование неэтично, то есть не соответствует интересам правообладателя, может повредить его интересам;

– лицо действовало умышленно либо не проявило той степени заботливости, осмотрительности, которая требовалась от него по условиям гражданского оборота.

Следовательно, недобросовестным должен признаваться не просто тот пользователь Сети, который знал или должен был знать о наличии важных жизненных обстоятельств, препятствующих использованию объекта промышленной собственности в Интернете, а тот, кто действовал умышленно либо допустил совершение поступка вопреки такому знанию.

Продолжая сравнительную характеристику рассматриваемых парных категорий, отметим, что если добросовестность понимается как поведение участников гражданских правоотношений, характеризующееся такими признаками, как соответствие «требованиям морали и нравственности» [9, с. 49], совершение действий «без намерения причинить вред другим лицам» [15, с. 8], то противоположную по смыслу категорию недобросовестность можно обозначить как «заведомо нечестное, непорядочное поведение» [16], осуществляемое без учета вышеуказанных обстоятельств.

В области использования объектов промышленной собственности это может проявиться в следующем. Согласно п. 12 Методических рекомендаций по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции, утвержденных Приказом Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 18 декабря 2020 г. № 235 «к недобросовестным действиям, противоречащим требованиям добросовестности и разумности, следует относить в том числе действия, связанные со сферой исключитель-

ных прав на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (далее – средства индивидуализации), сущность которых состоит в злоупотреблении правом. Так, приобретение и использование хозяйствующим субъектом исключительного права на товарный знак, ранее уже широко используемый конкурентами для индивидуализации производимых товаров, но не зарегистрированный в установленном законодательством порядке, являются действием недобросовестным, неразумным и подлежат квалификации как акт недобросовестной конкуренции» [17].

Еще одним проявлением недобросовестного поведения в Сети является ситуация, когда в качестве доменного имени или элемента доменного имени третьим лицом используется какое-либо обозначение, зарегистрированное в качестве товарного знака и начинающее быть узнаваемым. Как правило, до этого момента владелец обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака и (или) фирменного наименования, не заботится о регистрации своего доменного имени, аналогичного своим средствам индивидуализации. Но как только он решает организовать интернет-страницу, выясняется, что одноименный домен уже занят и администрируется другим лицом.

Если на сайте, поименованном спорным доменным именем, предлагаются к продаже товары, однородные с теми, для которых был зарегистрирован товарный знак, то очевидно, что имеет место правонарушение, заключающееся в незаконном использовании третьим лицом обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака. Подобные действия запрещены пунктом 2 ст. 1019 ГК и пунктом 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон о товарных знаках) и квалифицируются как нарушение исключительного права на товарный знак (пункт 3 ст. 3 Закона о товарных знаках) [1, с. 18]. В таком случае не имеет особого смысла устанавливать факт недобросовестного поведения, поскольку любая недобропорядочность со стороны третьего лица поглощается незаконностью его поведения.

Однако как быть в ситуации, когда подобный сайт вовсе не содержит никакой коммерческой информации – ни рекламы, ни средств индивидуализации, – а, например, используется для размещения автобиографии, личного фотоальбома лица, зарегистрировавшего доменное имя? Похожее положение дел имеет место в социальных сетях, когда для привлечения внимания к своему аккаунту лицо недобросовестно использует общеизвестное обозначение, не имея никакого отношения к производству

и продаже товаров, реализуемых под этим знаком. Проведя небольшой эксперимент, легко убедиться, что известнейший товарный знак автомобильного концерна «BMW» задействован в названиях около 70 аккаунтов в социальной сети Instagram. В то же время верифицированными (прошедшими проверку и получившими удостоверение подлинности) аккаунтами, непосредственно связанными с рекламой и продажей оригинальных товаров под указанным товарным знаком, являются всего 8 из них.

Существование подобной интернет-страницы по формальным признакам (*de jure*) не должно угрожать интересам обладателя исключительных прав на средства индивидуализации. В пользу этого утверждения всегда можно привести следующий аргумент: пользователи социальных сетей и Интернета в целом, зайдя на соответствующую страницу, смогут убедиться в том, что данный ресурс не имеет непосредственного (никакого) отношения к известному бренду, и проблема будет исчерпана. Но в качестве контраргумента можно сказать, что большинство пользователей Сети смогут это понять, только если владелец аккаунта точно, четко, однозначно указал на отсутствие какой бы то ни было связи между своим аккаунтом и производителем товаров, работ, услуг, реализуемых под известным товарным знаком «BMW». В таком случае возникает резонный вопрос: зачем же он тогда обозначает свой Instagram-аккаунт этим знаком?

Ответить на него можно следующим образом: *de facto* доменное имя, название аккаунта в социальных сетях или прочие способы адресации, будучи узнаваемыми словами, символами и обозначениями, вызывают определенные положительные ассоциации с известными торговыми марками и привлекают внимание к этому ресурсу именно тех пользователей Сети, которые, возможно, никогда не обратились к нему, если бы не был использован такой узнаваемый элемент.

Следует сделать акцент на том, что в подобных случаях лицо, задействующее чужой товарный знак для привлечения внимания к своему интернет-ресурсу, и владельца товарного знака нельзя признать конкурентами, поскольку в упомянутой ситуации отсутствуют критерии недобросовестной конкуренции, обозначенные в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [19]. В результате получается, что, не являясь конкурентом на товарном рынке и формально не нарушая исключительных прав, владелец подобного – некоммерческого – ресурса в Сети пользуется чужой популярностью, узнаваемостью и дело-

вой репутацией, самостоятельно не создав ничего нового и примечательного. При этом такое лицо не воздаст должного – ни в материальном, ни в этическом смысле – владельцам тех обозначений, узнаваемость и популярность которых формировалась годами путем вложения в это дело значительных временных и трудовых ресурсов.

На вопрос о том, знало ли лицо, использовавшее не принадлежащий ему популярный товарный знак в Сети, что исключительное право на это обозначение принадлежит не ему и что использование объектов исключительных прав допустимо только с согласия их правообладателей, следует ответить утвердительно – знало или должно было знать в силу презумпции знания закона всеми. И тем не менее совершило (допустило) эти действия вопреки интересам правообладателей и в угоду своим интересам, следовательно, поступило нечестно, неправомерно, недобросовестно.

Данная ситуация иллюстрирует, что недобросовестность поведения вовсе не предполагает его незаконности. В каких случаях можно говорить о незаконности использования объектов промышленной собственности в Сети? Во-первых, когда совершаются действия, представляющие нарушение исключительных прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, а во-вторых, при осуществлении действий, охватываемых категорией «недобросовестная конкуренция». Первый и второй случаи являются разновидностями гражданско-правового деликта и влекут наступление гражданско-правовой ответственности для виновного лица. Но ни та, ни другая квалификации не подходят для описанной ситуации.

По мнению К.И. Скловского, «наряду с поведением правомерным и противоправным (деликтами) теперь квалифицируется также поведение недобросовестное, т.е. внешне правомерное, однако неодобряемое правом и влекущее различные негативные последствия для недобросовестного лица – весьма разнообразные, но в целом отличные от ответственности за правонарушение, хотя в некоторых крайних случаях и сопоставимые с ней» [20].

Самым крайним проявлением недобросовестного поведения является правонарушение, выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении договорного обязательства или деликте, и влекущее наступление гражданско-правовой ответственности. Вероятно, по этой причине недобросовестность в гражданском праве отождествляют либо с виновностью, либо с правонарушением [12, с. 33]. Однако понятие недобросовестности виновностью не исчерпывается. Недобросовест-

ное поведение может быть виновным и все же «недобросовестность», «виновность» и «правонарушение» – не всегда совпадающие понятия.

По этому поводу В.И. Емельянов отмечает: «...в гражданско-правовых отношениях имеет место немало случаев совершения действий, которые не являются нарушением обязательства или деликтом, но для которых тем не менее целесообразно установление негативных юридических последствий, если эти действия совершаются с осознанием вероятности причинения вреда другому лицу или неоправданным непредвидением ее. Такие действия не подпадают под правила об ответственности, но затрагивают интересы других лиц и поэтому требуют закрепления в законе специальных последствий их совершения. В этих случаях и возникает необходимость использования понятия “недобросовестность”, которое, будучи более широким, чем виновность, охватывает эти действия» [21].

Заключение. Таким образом, налицо многозначность термина «добросовестность», когда под одним и тем же названием фигурируют различные правовые явления: это и один из принципов гражданского права, и правовая презумпция, и извинительное незнание лица о фактах, и поведение субъектов права, характеризующееся различными признаками, а также состояние воли лица и прочее. «Добросовестность в гражданском праве – отмечается в одной из публикаций, – принцип, презумпция, характеристика юридически значимого действия (или же деятельности), характеристика непосредственно субъекта гражданско-правовых отношений. Кроме того, добросовестность является пределом осуществления и защиты субъективных гражданских прав, выход за пределы которого может повлечь за собой нарушение прав и свобод граждан и организаций, а значит и определенные юридические последствия» [22, с. 112].

В то же время недобросовестное поведение обозначается нами как нечетное, неэтичное и осуществляемое вопреки чужим интересам. Под недобросовестным использованием объектов промышленной собственности в Интернете предлагаем понимать такое использование, при котором лицо, его осуществляющее, знало или должно было знать о наличии важных жизненных обстоятельств, препятствующих этичному использованию объекта промышленной собственности в Интернете, но действовало умышленно либо допустило совершение поступка вопреки такому знанию.

Недобросовестное использование объектов промышленной собственности в Интернете включает их использование без должного уважения и компен-

сации правообладателю. Важно помнить, что недобросовестное использование объектов промышленной собственности в Сети не обязательно нарушает закон (подобные ситуации были нами рассмотрены в рамках данной публикации), однако оно все равно может считаться ненадлежащим и неэтичным. О том, какими могут быть последствия такого поведения, речь пойдет в продолжении данной статьи.

Продолжение – в следующем номере.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г. № 218-З; принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. № 240-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Общая теория права: учеб.-метод. комплекс для студ. юрид. спец. и слушателей переподготовки спец. «Правоведение» / сост. и общ. ред. А.Н. Пугачева. – 2-е изд., с изм. – Новополюк: ПГУ, 2007. – 424 с.
3. Бондаренко, Н.Л. О месте принципа добросовестности и разумности в системе принципов гражданского права / Н.Л. Бондаренко // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. – 2013. – № 1(34). – С. 89–93.
4. Амелъчяна, Ю.А. Проблема обеспечения добросовестного поведения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в контексте цифровизации осуществления государственных закупок / Ю.А. Амелъчяна // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации / Ю.А. Амелъчяна [и др.]; под ред. О.А. Бакинской. – Минск: Колоград, 2021. – Раздел II. Гл. 3. – С. 116–131.
5. Демьянова, М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Демьянова; ФГБОУ ВО Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. – М., 2022. – 27 с.
6. Гаврилов, Ю.В. Значение принципа добросовестности в системе принципов российского гражданского права / Ю.В. Гаврилов // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманит. и обществ. науки. – 2015. – № 9. – С. 86–93.
7. Нам, К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины / К.В. Нам // Вестн. гражд. права. – 2017. – № 6. – С. 74–88.
8. Нам, К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта [Электронный ресурс]: резюме дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / К.В. Нам; ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М., 2021. – 45 с. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2023. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2021/01/18/1343838671/Нам%20К.В._Резюме.pdf. – Дата доступа: 17.01.2023.
9. Цветкова, М.В. Гражданско-правовая защита прав на средства индивидуализации от недобросовестной конкуренции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Цветкова. – М., 2011. – 197 с.
10. Богданов, Е.В. Категория «добросовестности» в гражданском праве / Е.В. Богданов // Рос. юстиция. – 1999. – № 9. – С. 12–14.
11. Скловский, К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К.И. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.
12. Дерюгина, Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Дерюгина; ГОУ ВПО АНХ при Правительстве Российской Федерации. – Волгоград, 2011. – 40 с.
13. Сулейменов, М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права / М.К. Сулейменов // Право и государство. – 2015. – № 2(67). – С. 31–38.
14. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 марта 2003 г., № 2: с изм. и доп. от 31 марта 2022 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
15. Татарников, А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Татарников; Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2010. – 30 с.
16. Егоров, А.В. Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу изменения принесут на практике / А.В. Егоров // Юрист компании. – 2013. – № 7 // Юрист компании [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://yandexwebcache.net/yandbmt?fmode=inject&tm=1675938388&tld=by&lang=ru&la=1675531136&test=nedobrosovestnost+kak+zavedomo+zavedomo+nechestnoe%2C+neporyadchnoe+поведение&url=https%3A/www.law.ru/article/3965-novye-polojeniya-o-dobrosovestnosti-i-zloupotreblenii-pravom-kakuyu-polzu-izmeneniya&llon=ru&mime=html&sign=bd4aaa326383516e79a46fe11431ac0&keyno=0>. – Дата доступа: 11.01.2023.
17. Об утверждении Методических рекомендаций по установлению акта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции [Электронный ресурс]: Приказ Мин-ва антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, 18 дек. 2020 г. № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
18. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-XII: с изм. и доп. от 18 дек. 2019 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
19. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г. № 94-3: с изм. и доп. от 18 дек. 2019 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
20. Скловский, К.И. Применение права и принцип добросовестности [Электронный ресурс] / К.И. Скловский // Вестн. экон. правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 94–118 // Закон.ru. – Режим доступа: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7347>. – Дата доступа: 11.01.2023.
21. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами [Электронный ресурс] / В.И. Емельянов. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 158 [1] с. // Textarchive.ru. – 2023. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1035334-pall.html>. – Дата доступа: 14.01.2023.
22. Варвенко, А.С. Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве / А.С. Варвенко, С.С. Желонкин, В.В. Жукавин // Ленинград. юрид. журн. – 2020. – № 1(59). – С. 105–113.

Поступила в редакцию 09.02.2023